

Дни тянулись своим чередом. После удачного дебюта театральные постановки в колонии одобрили и решили организовать драматический кружок. Утвердили худрука и репертуар. Репертуар подбирали с большой осторожностью, чтобы не было никаких нареканий за политическую незрелость руководства. Поэтому старались играть проверенную классику. Особенную популярность завоевали пьесы Александра Николаевича Островского. На очереди стояла «Бесприданница». Роль Ларисы Огудаловой досталась Нине. Она даже чувствовала неловкость перед профессиональными актрисами в среде заключённых. Но они уверяли её, что для сцены самое главное не театральное образование, а талант, который у неё действительно есть. В глубине души она, конечно, радовалась и гордилась, что ей доверили играть главную героиню, и была безмерно счастлива. Несмотря на то, что «безмерно счастлива» звучало здесь кощунственно.

Разве можно быть счастливой в аду? В аду мученик, по крайней мере, знает, за какие грехи горит. Здесь же хоть ты голову разбей о стену, всё равно не поймешь, за что такая кара – настолько чудовищны и абсурдны выдвинутые против тебя

обвинения. Сначала, сразу после ареста, они денно и ночью сидели на нарах и выли, как загнанные в ловушку звери. Этот душераздирающий вой звучал так дико и страшно, будто некий живодёр по самый локоть вогнал внутрь тебя руку и медленно, с садистским наслаждением, пытается вывернуть наружу твою сущность вместе со всеми потрохами, как сдирают беличью шкурку. Нет, словами этого не передать и не выразить! Только если сам – да не приведи Господи! – окажешься в таком положении, сможешь понять весь кошмар происходящего. Но такого испытания Нина не желала даже заклятым врагам.

Иногда их компания даже напоминала посиделки благовоспитанных дам. По разговору чувствовалось, что в основном здесь собрались образованные и начитанные люди. О сроках своего приговора многие не знали. Большинству они стали известны лишь по прибытию в зону. Нину особенно угнетал арест её младшей сестры Елены, которая с её легкой руки вышла замуж за Главного инженера шахты «Центральная» Коваленко Ивана Емельяновича, осуждённого и расстрелянного по «Кемеровскому делу».

Потом, когда затворницы познакомились ближе, они стали сходиться в группки по интересам, поразительным по разнообразию. К Нине потянулись многие не только из-за её профессии врача, столь насущной в суровом лагерном бытовании. Особую силу и притягательность имела её несгибаемая воля. Нина всегда находила нужное слово и даже иногда могла слукавить во спасение от отчаяния. А самое главное – просто утешить и вселить надежду. У неё появились подруги и наипервейшая из них – её ровесница тридцатилетняя Эмма Дингес из Прибалтики. Высокая красавица с зелёными русалочьими глазищами и каштановыми локонами.

Она попала сюда из-за отца и мужа – ученика её отца. Оба они занимались научной разработкой новейшего вооружения.

Ни внутри семьи, ни при гостях об этом никогда не говорили, хотя всё их окружение в основном было из учёных. Эммина мама была костюмером в рижском драматическом театре, молодость провела на театральных подмостках. Потом, уже будучи замужем, она потеряла всякий интерес к театру и целиком посвятила себя семейной жизни. А у самой Эммы талантов хватило бы на десятерых. Она прекрасно пела, танцевала, писала стихи, музицировала. Рисовала первоклассно и решила заниматься моделированием одежды. За время, проведённое вместе, Нина многому научилась у неё, что очень помогало ей в дальнейшей жизни.

Второй близкой подругой стала Ольга Дмитриевна. Она была значительно старше Нины. Совсем молоденькой девушкой принимала участие в подготовке революционного восстания. Сама она была коренной петербурженкой. Её предки, голландские ремесленники, приехали в Россию во времена Петра Первого. Увлекательные рассказы Ольги о событиях российского былого зэчки слушали заворожённо, забывая о своих бедах. Так они и коротали нескончаемые дни и ночи...

Потом стране надоело на дармовщину содержать эти *враждебные элементы*, и их стали распределять по трудовым лагерям. Все стремились попасть в одну группу со своими лагерными подружками, но судьба и тут не всегда шла им навстречу. Однако Нине повезло. Её и Эмму распределили в одну и ту же зону. Оставалось два дня до отправления по этапу в новые места отбывания наказания, названия которых ссылкой не сообщали. Да это уже и не имело для них особого значения. Женщины обменивались адресами своих ближайших родственников, чтобы после своего освобождения через них можно было отыскать тех, кто за короткое время стал им родней родного.

Но лагерную жизнь омрачало непосредственное соприкосновение с уголовницами.

Очень трудно было жить бок о бок с женщинами, прошедшими через воровские малины и блатхаты. Совсем другой, чуждый политзаключенным мир. А уголовницы издевательски демонстрировали своё превосходство над осуждёнными по ст. 58 – ведь в отличие от них они *не продавали родину*.

Через полгода начальник колонии подполковник Загайнов вызвал Нину к себе. И предложил ей работу в лагерном медицинском пункте. Вольнонаёмный семидесятилетний фельдшер давно уже был пенсионного возраста, однако всё ещё продолжал работать. Его медсестра ушла в декрет, а затем и вообще уволилась с работы в лагере. Вот Нину, имеющую медицинское образование, и направили на её место. Чему она безмерно обрадовалась.

Прошёл почти год. Нина стала замечать, что Эмма всё чаще задерживается в цехе после окончания смены. Ходит весёлая. Просто вся сияет. Как-то после бани Нина подбила её на душевный разговор. Поболтали о том, о сём. Порадовались поблажке – позволенной «врагиням» переписке с родными. Правда, отправлять письма разрешали не часто, всего раз в месяц и размером с гулькин нос, но для нескольких строк, оповещавших, что у тебя всё в порядке, места вполне хватало. И вот тут-то Нина и выпалила:

– Эмма, с тобою что-то происходит? Не пойму, в чём дело. В последнее время ты просто на себя непохожа ...

– Ой, Нинок! Если бы ты только знала, какая я счастливая! Мне даже страшно! Он такой необыкновенный! Не беда, что моложе меня на пять лет и военнослужащий!

– Даже не знаю, что сказать тебе. Это так неожиданно, а главное – неуместно, – осторожно ответила Нина. Ей не хотелось, чтобы подруга замкнулась и перестала откровенничать.

– А когда станет уместно, мы уже внуков будем нянчить. Вернее ты. У тебя дочь, а у меня детей так и не случилось.

Чего только мы с мужем не предпринимали. Он меня и по светилам медицины возил, и по санаториям, всё напрасно, – печально сказала Эмма.

Всё, что случилось потом, Нине казалось дурно придуманным рассказом. «Я никогда не поверила бы в это, если бы не была свидетелем», – тяжело вздыхала она, рассказывая мне потом эту историю...

Репетиции в театральном кружке и работа отнимали практически всё время, а ещё и пошив костюмов. Спектакль должны были отрепетировать к Первомаю.

– Эмка, весна тебе на пользу! Ты прямо расцвела, посвежела, а грудь подозрительно увеличилась, – заметила Нина, внимательно оглядев подругу.

Ту как кипятком ошпарило. Зарделась, словно молоденькая девушка, которую мужчина впервые поцеловал в щёчку.

– Кажется, я беременная, – прошептала она и смахнула наворачнувшуюся слезу.

Нина от неожиданности присела. У неё, как у врача, промелькнула эта мысль, но показалась уж слишком парадоксальной. У них, полуголодных, с вечным недосыпом и душевной удручённостью, такого просто не могло случиться.

– Не хочу тебя разочаровывать, но это скорее всего гормональный сбой.

– Не буду тебя переубеждать, Нинок, но последнее время у меня зверский аппетит и подташнивает.

– А ты сообщила это своему...

Нина замолчала, подбирая подходящее слово.

– Нет, прежде всего хочу сама на все сто быть уверенной в этом...

– Знаешь, Эмма, тебе надо лечь в больницу. Во-первых, покой, во-вторых, пайка больше и я тебя глюкозой подкреплю. А что делать дальше, ума не приложу. Ведь начнут спрашивать,

кто отец. А дознаватели наши тебя до смерти забудут, не посмотрят на твоё положение.

На том и порешили.

Приближался Первомай. Спектакль и костюмы были готовы. Шла последняя генеральная репетиция. Эмма была несколько непривычно взволнована.

– Случилось что-то, чего я не знаю? – спросила Нина. – Не верю, что ты из-за спектакля так переживаешь.

– Да об этом потом, всё потом... – Эмма вяло улыбнулась.

Генеральная репетиция прошла фактически без помарок. До выступления оставалось три дня. Вечером, перед сном, Эмма вышла с Ниной из барака подышать полчаса до отбоя.

– Я сказала ему про ребёнка, Нина. Он ничего не хочет слышать. Ребёнок в его планы не входит, да ещё от заключённой по нашей статье. Для него это конец карьере, а может, ещё и хуже – тюремное заключение. Я не знаю, что делать. Ведь может, это мой единственный шанс...

Нина молчала и задумчиво смотрела на Эмму.

– А знаешь, давай спишешь вину на погибшего месяц назад на лесоповале Федорчукова. С мёртвого взятки гладки.

Они с надеждой и облегчением посмотрели друг на друга и отправились спать.

Эмма успокоилась и снова повеселела. Спектакль прошёл с большим успехом. Их театральные постановки были уже известны далеко за пределами колонии. Даже из других зон приезжали «обмениваться опытом», как шутил Загайнов. После спектакля Эмма отправилась чуток подышать воздухом.

В отряде её положение стало известно многим, но все делали вид, будто ничего не замечают. Пришло время отбоя, но Эммы всё не было. В двенадцать ночи Нина не на шутку встревожилась. Куда можно пропасть в охраняемой зоне, где по периметру стоят конвойные вышки и светят прожектора?!

На рассвете Нина собралась идти к дежурному офицеру, но тут в барак ввалились солдаты с автоматами наперевес.

– Стройся! По порядку рассчитайсь! – громко скомандовал офицер.

После переключки не хватало одного человека – Эммы.

Поутру её нашли за углом барака, изувеченную до полу-смерти и чуть живую отнесли в медпункт. Ребёнка вытаскивали по частям. Это был мальчик недель двадцати–двадцати двух. Возле неё сидел следователь, пытаясь её допросить.

Нина только после обеда смогла пообщаться с ней.

– Вот всё само собой и разрешилось, – с трудом прошептала Эмма. – Только давай не будем думать, что это злодейство совершено по его просьбе. Мне будет бесконечно больно...

– Да как ты могла даже подумать об этом?! – воскликнула Нина. Хотя в душе у неё не было ни капли сомнений в его вине. Усилием воли Нина сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

«Прощай ... Не поминай ...» – последнее слово растворилось на пороге вечности.

Нина дала, наконец, волю рыданиям. Она давно не верила в Бога, но невольно, сама не зная, кому обращает свои слова, подняла глаза вверх и прошептала: «Зачем ты сделал меня такой сильной? Мне не по плечу ноша, отмеренная тобой! Не донесу её! Я так устала от бесконечных потерь...»

В тишине слышалось только завывание караульных собак. Родным Эммы сообщили, что она скончалась по болезни...

